

КАМИЛЛА ТРИНКЬЕРИ

Убийство в Кьянти

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т67

Camilla Trinchieri
MURDER IN CHIANTI

MURDER IN CHIANTI (#1 The Tuscan Mystery series)
Copyright © 2020 by Camilla Trinchieri

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Тринкьери, Камилла.
Т67 Убийство в Кьянти / Камилла Тринкьери ;
[перевод с английского Ю. Павлушкиной]. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Ток. Детектив-
ные каникулы).

ISBN 978-5-04-240228-9

Когда Нико Дойл, бывший детектив из Нью-Йорка, решил обосноваться в старинном городке Гравинья, он мечтал о тишине и покое. И о собственном огороде, конечно. Вот только глубинка Тосканы оказалась вовсе не таким спокойным местом, как думал Нико.

Однажды его утреннюю идиллию за готовкой на кухне прерывает выстрел в лесу и лай собаки. Поспешив на шум, Нико, к своему удивлению, находит труп под виноградником.

За дело берется незадачливый карабинер Сальваторе Перилло, не расследовавший ничего серьезнее кражи винной бочки. Узнав о детективном прошлом Нико, он уговаривает его помочь. Все осложняется тем, что у них практически нет улик, зато есть целый город подозреваемых. Погибшего знали все, и у многих имелся на него зуб.

Прихватив своего пса Хвостика, Нико все глубже погружается в тайны соседей. Кажется, за их приветливыми улыбками может скрываться настоящая опасность для него и его близких.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-240228-9

© Павлушкина Ю., перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Понедельник, пять тринадцать утра. Солнце не собиралось показываться еще как минимум час, но Нико уже поднялся с постели, натянул футболку, шорты, носки и зашнуровал кроссовки. Постель давно перестала быть для него уютным местом. Как там, в Бронксе, где они с Ритой прожили двадцать пять лет, так и здесь, в старом фермерском двухкомнатном доме, который он снял в мае.

Он поставил моку¹ на плиту и, дожидаясь первых пузырьков, аккуратно заправил кровать. С тех пор как в возрасте трех или четырех лет он начал сам ее застилать, он никогда не уходил, оставив ее неубранной. Аккуратно заправленная с утра постель придавала ему в детстве ощущение, что все под контролем, несмотря на отцовские пьяные вспышки и материнский страх перед ним. Нико понимал, что это была лишь иллюзия, но каким-то образом она спасала тогда и спасает сейчас, когда он снова пытается навести порядок в своей жизни.

¹ Мока (гейзерная кофеварка) — металлическая кофеварка, которую ставят на плиту; при нагревании вода под давлением проходит через молотый кофе и поднимается в верхний резервуар, издавая характерное бульканье.

Глоток крепкого эспрессо прогнал остатки сна. За ним последовала запрещенная сигарета, которую он выкурил у открытого окна. В их квартире в Бронксе он безропотно следовал «домашним правилам» Риты. Теперь же у него были все те нежеланные свободы, что достаются вдовцам: можно выругаться, одеться как попало, закурить после утреннего кофе, выпить лишний бокал вина за ужином, позволить себе сигарету на ночь. Все это были мелочи. Мелочи, цена которых не сравнима с понесенной утратой.

Воздух еще хранил утреннюю прохладу, и Нико с удовольствием вдохнул ее, отправляясь на пробежку — три мили по извилистой дороге, ведущей в Гравинью. Подъем был крутым и опасным в предрассветных сумерках, и даже в этот час машины со свистом проносились туда и обратно — люди ехали на работу. Но утренняя пробежка, как и заправленная кровать, были для Нико ритуалом, возвращающим чувство контроля. После потери работы и последовавшей за ней смерти Риты это стало особенно необходимо.

Когда показался городок, расположенный на небольшом холме, Нико остановился, чтобы перевести дух и полюбоваться видом Гравиньи с ее средневековыми крепостными стенами, двумя башнями и гордым шпилем церкви Сант-Аньезе. В скудном предрассветном свете Нико мог по памяти разглядеть сотни аккуратных рядов виноградных лоз, покрывавших Конка д'Оро — «Золотую долину» у подножия города, где когда-то выращивали только зерно. Он впервые увидел это место вместе с Ритой, во время их медового месяца, и был поражен.

— Наш сказочный край, — прошептала тогда она.

Он рассмеялся. Они оба были пьяны от любви и счастья.

Каждые три-четыре года, когда позволяли средства, они возвращались сюда. Это был город ее детства. Родители Риты, которые иммигрировали в Нью-Джерси, когда ей было шесть, вернулись в Гравинью, чтобы встретить здесь старость и быть похороненными на родине. Рита просила похоронить ее рядом с ними.

Он исполнил ее последнюю волю, упокоил ее прах и тут же вернулся. Но в Нью-Йорке его больше никто не ждал. Единственный ребенок в семье, родители которого давно умерли, а бывшие коллеги избегали. Он скучал по Рите и ее волшебной стране, и он вернулся, чтобы быть ближе к ней и тем родственникам, которые у нее остались: кухне его жены Тильде и ее дочери Стелле.

Над окрестными холмами забрезжил розоватосерый свет. Пора было возвращаться и заняться помидорами. Сегодня он решил пропустить визит на своем стареньком «Фиате-500» в «Бар Аль Анголо» — единственное кафе в городе. Обычно его манили туда запахи свежих круассанов, смех школьников, гомон матерей, рабочие, толпившиеся у стойки, туристы, заполнявшие столики, приветливость хозяев — все то, что хоть на время помогало ему чувствовать себя не таким одиноким. А вкусные свежее испеченные корнетти¹

¹ Корнетти — классическая итальянская сдобная выпечка в форме рогалика или полумесяца, похожая на круассан, но с отличиями в тесте (больше сахара, яиц, иногда цедра цитрусовых), более мягкая и плотная внутри, подается с кофе на завтрак, часто с начинкой из крема, джема или шоколада. (Здесь и далее — примеч. пер.)

из цельнозерновой муки, только что из духовки, делали это место еще более привлекательным.

Однако этим утром Нико не возражал против того, чтобы нарушить свой привычный распорядок. У него было дело. И вместо неспешного возвращения домой он перешел с шага на легкий бег. Утреннюю тишину нарушили два мотоцикла с пробитыми глушителями. Несколько машин пронеслись мимо: одна громко посигналила, предупреждая о себе, другая, маленькая «Панда», проехала так близко, что ветер ударил в лицо.

«Очередной итальянский безумец», — подумал Нико.

К дому он добрался с бешено колотящимся сердцем и ощущением, что в легких не осталось воздуха. Пожалуй, пора было признать, что для пробежек туда-обратно он уже староват. Разминая икры, он взглянул на небо: чистое, безоблачное, синее, оно предвещало начало еще одного великолепного сентябрьского дня в Тоскане.

Пес, справив нужду под деревом, побрел в лес, вынюхивая еду, которую могли обронить охотники или влюбленные парочки. Вдруг хрустнула ветка, за ней другая. Собака замерла, наострив уши.

— Куда мы идем? — раздался чей-то голос.

Пес беззвучно припал к земле под кустом.

— Я знаю эти леса, — ответил другой, — я отведу тебя к месту встречи.

— Почему именно здесь? И почему в такую рань?

— Ты хотел уединения, не так ли? Его можно найти только в лесу, пока все спят. Будь сейчас сезон охоты, мы бы сюда не сунулись.

— Но мы идем уже полчаса.

- Считай это дорогой к покаянию.
- Нелегко жить с тем, что я сделал.
- Ты, конечно, затянул с испулением, но не волнуйся, этих денег хватит, чтобы смыть даже твои грехи.
- Ты уверен, что все пройдет гладко? Я должен улететь обратно сегодня вечером.
- Тсс... Успокойся, ты получишь то, за чем пришел.

Десятиминутный душ вернул Нико к жизни. Брюки карго, чистая рубашка, босые ноги — и он был готов. На кухне, служившей также и гостиной, его ждал вчерашний урожай с огорода, который он разбил сразу после того, как снял этот дом. На массивном столе из сосны стояли две корзины спелых, сочных, словно налитых солнцем сливовидных помидоров. Нико взял один и взвесил на ладони. Сколько труда и любви понадобилось, чтобы вырастить этих красавцев. Он включил духовку и принялся резать помидоры пополам. Посолив, он сбрызнул их оливковым маслом холодного отжима — подарком от хозяина дома, посыпал мелко рубленным чесноком и разложил половинки срезом вниз на четыре противня.

Выстрел разорвал утреннюю тишину именно в тот момент, когда Нико задвигал первый противень в духовку. Резкий хлопок заставил его вздрогнуть — помидоры посыпались на пол.

— Черт! — выругался он.

До открытия сезона охоты оставалась еще неделя, но нетерпеливые любители дикого мяса редко соблюдали закон. Альдо Ферри, его домовладелец, предупреждал, что теперь, когда виноградники полны спелых гроздей, кабаны слоняются по округе целыми стаями. Ферма Нико стояла совсем рядом

с густым лесом — излюбленным местом их обитания. Сильные, злобные, уродливые звери, взрослый самец мог достигать в весе больше ста килограммов. Альдо советовал обзавестись охотничьим ружьем «на всякий случай», но Нико только покачал головой. Нет уж, спасибо, с оружием он покончил навсегда. Прошлой ночью он впервые услышал выстрелы: короткие, глухие, отдаленные.

Но этот... этот был совсем рядом, и всего один. Если целились действительно в кабана, то стрелок, должно быть, чертовски меткий, иначе с раненым зверем живым не уйдешь.

Нико посмотрел на упавшие помидоры. Несколько штук приземлилось прямо у него под ногами.

Черт, какое там правило? Тридцать секунд? Минута? Что ж, да простит его Рита. Полы он мыл два дня назад, а эти помидоры были нужны ему все до единого для блюда, которое Тильда позволила Нико приготовить сегодня вечером в ресторане.

Когда противни снова заняли свое место в духовке, можно было позволить себе насладиться остатком этого утра. Нико перемолол свежие зерна, поставил кофе-мока на слабый огонь, отрезал два кусочка хлеба и проложил их тонкими ломтиками мортаделлы¹ и нежной качотты² из овечьего молока.

¹ **Мортаделла** — традиционная итальянская вареная колбаса родом из Болоньи, известная своим нежным вкусом, розовым цветом и характерными вкраплениями белого свиного сала (шпики) и фисташек, а иногда и другими специями.

² **Качотта** — популярный итальянский полумягкий или полутвердый сыр, название которого переводится как «сырок» из-за небольшого размера головок, обычно весом от 300 до 800 г. Он имеет нежный молочный вкус с легкой сливочной ноткой, прекрасно плавится и универсален в употреблении.

Калорий, вероятно, больше, чем в двух цельнозерновых корнетти, но кому теперь есть до этого дело — еще одна из его новых, странных свобод. Он поставил кофе и сэндвич на поднос, накинул толстовку и направился в лучшую часть дома — на балкон. Выходящий на восток, он открывал вид на часть виноградников семьи Ферриелло и невысокие холмы за ними.

Над горизонтом тянулась лишь тонкая лента рассвета, достаточная, чтобы заметить: под деревянными балками крыши было пусто, никаких спящих ласточек. Обычно они не улетали так рано, видимо, их спугнул выстрел или сентябрь подал им знак, что пора двигаться в путь. Если так, то он будет скучать по ним. В те вечера, когда Нико не помогал Тильде в ресторане, он сидел на балконе с бокалом вина, ожидая, когда три ласточки прилетят и устроятся на ночь между балкой и крышей. Он даже не возражал против уборки за ними по утрам. Они привязались друг к другу.

Нико уже доедал свой сэндвич, когда услышал собачий визг — пронзительный, режущий слух звук, который издают только представители мелких пород. Возможно, это тот самый дворовый пес, что поселился у калитки его огорода. Маленький, лохматый, он встречал Нико легким взмахом пушистого хвоста и тут же снова укладывался спать. Нико перегнулся через перила и свистнул. Визг стих секунд на тридцать, а затем возобновился с новой силой. Он свистнул еще раз — без толку, собака теперь лаяла почти без передышки. Нико задумался, не ранена ли она. Вполне возможно, ограды виноградников были под напряжением. Или она могла угодить в капкан. Визг, казалось, доносился слева, со стороны оливковой рощи. Что, если на нее напал кабан?

Надев походные ботинки и прихватив с кухни самый большой нож, Нико пошел на звук. Он прошагал мимо оливковой рощи, поднялся по небольшому, выжженному солнцем склону и оказался в зарослях низкорослых деревьев и кустарника. Лай становился все громче, чаще. Он был уже совсем близко, как вдруг наступила тишина, даже птицы умолкли. Нико бросился бежать.

Собака чуть не сбила его с ног. Вот она, между его ботинками, виляет хвостом.

— Какого... — пробормотал он.

Пес смотрел на него снизу вверх с задорным выражением, словно хотел сказать: «Я милый, обрати на меня внимание». Тот, кокер-спаниель, который был у Нико в детстве, смотрел на него точно так же, когда выпрашивал угощение.

— Ничего с собой не прихватил.

Пес поднял лапу, она была красной.

Нико наклонился, чтобы рассмотреть получше. Кровь застыла на всех четырех лапах. Он осмотрел животное в поисках ран. Ничего. Собака была перепачкана, но цела. Должно быть, она нашла место, где кабан или другое дикое животное было ранено тем единственным выстрелом.

— Ладно, пойдем, тебя нужно отмыть. — Нико взял собаку под мышку, та заерзала, вырываясь.

— Ну будь по-твоему, приятель, — пробурчал он и вернул пса на землю.

Тот не сдвинулся с места и снова залился лаем.

Нико продолжил свой путь, в то время как лай не стихал. Наконец Нико остановился и обернулся. Тот поступал так, когда пытался что-то сказать хозяину. Однажды это оказалась мерзкая крыса под крыльцом. Крыс здесь не было, но, возможно, стоит прислушаться к собаке.

— Ну? Что такое?

Пес взвизгнул и рванул в чашу. Нико тяжело вздохнул:

— Лучше бы это было что-то стоящее, дружок.

Через несколько минут они вышли к небольшой поляне. Пес пару раз приняхался и лег в траву, посчитав свою работу выполненной. Нико подошел ближе и замер.

Примерно в четырех шагах от него, на дальнем краю поляны, раскинув руки и ноги под неестественным углом, на спине лежал человек. Вместо лица кровавое месиво из плоти, костей и серого вещества.

У Нико сжался желудок. Его поразило не само зрелище: за девятнадцать лет работы детективом он видел и похуже и уже давно привык к этому. Дело было в другом — Нико не ожидал обнаружить здесь труп. Он бросил работу, свою прежнюю жизнь и приехал в Италию, чтобы обрести покой. Он хотел быть рядом с Ритой, рядом с ее семьей, подальше от насильственной смерти. Убийствам, казалось, не было места на прекрасных холмах Кьянти.

— Пошли отсюда, — тихо произнес он.

Телефон остался дома. Нико подхватил собаку — та больше не сопротивлялась — и еще раз окинул тело взглядом. Привычка — вторая натура. Чтобы так разнести лицо, нужен дробовик, а не винтовка. Стреляли с близкого расстояния — полутора, максимум двух шагов, значит, скорее всего, знали друг друга. Кровь должна была забрызгать убийцу с головы до ног, найди окровавленную одежду — и ты найдешь преступника. Нико пробежал взглядом землю: гильзы не было видно. Либо убийца подобрал ее, либо она затерялась в зарослях. Это не его забота. Нико снова посмотрел на тело. Мужчина,

высокий, не меньше метра восьмидесяти, большой живот торчал из джинсов и серой футболки, почти полностью покрытой кровью. На ней были какие-то темно-красные буквы либо это была тоже кровь? Нико наклонился вперед так далеко, как только мог, не сходя с места. Он смог различить две буквы на футболке — «ДН», остальное залито красным. На ногах золотистые, запачканные кровью кроссовки-спринтеры Майкла Джонсона. Если этот человек когда-то и занимался бегом, то это было очень давно. Из-под кроссовок выглядывали белые носки. На запястье блестели дорогие на вид золотые часы, возможно, подделка, трудно сказать даже с близкого расстояния. Убийца их не тронул, значит, не ограбление, если только кто-то или что-то не спугнуло его.

Нико перевел взгляд на пса, устроившегося у него под мышкой

— Ты? — усмехнулся он. — Без сомнений.

Он отвернулся от тела и направился к дому, по-прежнему прижимая к себе собаку. Сделав шагов восемь вглубь леса, он почувствовал, что земля под ногами стала мягкой, и остановился. Дождя не было уже несколько дней, и почва вокруг была совершенно сухой. Нико сделал еще шаг и наклонился — на упавшем с дерева листе скопилось розовая вода. Убийца, должно быть, умылся здесь. Источника воды поблизости видно не было. Нико выпрямился и пошел дальше. Расследовать убийства больше не его работа.

Нико отдал псу остатки своего сэндвича и выставил его на балкон. Потом искупает. Сейчас ему следовало бы набрать 112 — итальянский номер экстренных служб, но сперва он хотел поговорить с кем-то из знакомых. Тильда была занята пригото-

лением обеда в ресторане. Она была стойкой, но такая новость могла сильно ее взволновать.

Может, лучше позвонить Альдо, хозяину дома, человеку веселому, приятному и рассудительному. Уговорить его сдать в аренду этот старый, заброшенный фермерский дом, в котором никто не жил уже лет тридцать, оказалось проще простого.

— Пресвятая, Мария! На моей земле?!

— Не уверен. Я нашел тело примерно в двух километрах от леса, за оливковой рощей.

— Хвала небесам, не на моей! Немец, которому она принадлежала, умер несколько лет назад, и наследники выставили ее на продажу. Два года назад я хотел расшириться и проверял почву, но на этой земле виноград не вырастишь — сплошной суглинок, лозы не приживаются. Из такого винограднака хорошего вина не получить. Ходят слухи, что какой-то...

— Кто здесь главный? — перебил его Нико. Альдо мог болтать часами. — Полиция? Карабинеры?

Он еще не разобрался, кого вызывают в таких случаях, знал только, что карабинеры — часть армии и с полицией у них, мягко говоря, сложные отношения.

— Карабинеры. Я позвоню Сальваторе, маршалу из Гревы, если он на месте, дорога займет у него минут двадцать.

— Спасибо. Буду ждать его дома.

— Я съезжу за ним. Вот уж новость, убийство под самым носом! Чинция с ума сойдет, когда узнает! У нас сегодня полно дел, семнадцать немцев приедут на дегустацию...

— Пусть направит кого-нибудь на место преступления как можно скорее. В расследованиях убийств важна каждая минута.

